

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and significance of Marina Mnishek's character (image) in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)

Куркин Б.А.,

*Доктор юридических наук, профессор кафедры
Международного права
Юридического института ТГТУ,
эксперт Германской службы академического обмена (DAAD),
Тамбов*

В данной статье анализируется образ Марины Мнишек из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». В работе приводятся оценки исторической Марии Мнишек, заключенные в народных сказаниях и былинах, русских летописях и официальных документах 17 века и показывается, как преломляются они в художественном образе Марины Мнишек у Пушкина.

Автор рассматривает образ Марины Мнишек в качестве необходимого дополнения к пушкинскому образу Самозванца и видит в обоих воплощение нечистой силы, изображенной в трагедии с помощью лексических средств и логики развития сюжета.

Ключевые слова: Марины Мнишек, народные сказания и былины, русские летописи, официальные документы, нечистая сила.

Для цитаты:

Куркин Б.А. «Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов») [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kurkin B.A. «A Dead man's wife» (The role and significance of Marina Mnishek's character (image) in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Пушкина прельщала мысль о трагедии без любовной интриги [14, с. 295], но вместо этого он изобразит в «Борисе Годунове» Марину Мнишек, объяснив появление любовной сцены желанием «лучше оттенить необычный характер» своей героини [Там же].

«Моя Марина славная баба» [15, с. 205], – скажет поэт, а в итоге выведет в трагедии холодную змею – «мертвую царевну», «любовницу мертвеца», живой труп

Волею автора из текста пьесы исчезнет сцена «Уборная Марины», чему так и не будет дано внятного разъяснения критиками, и что породит недоумение и сожаления читателей.

В ответ на критические замечания своих слушателей, считавших поведение Самозванца, открывшегося в пылу страсти Марине, нелогичным, психологически необоснованным и немотивированным, Пушкин будет досадовать, и отшучиваться [16, с. 10].

В результате современные литературоведы и по сию пору пытаются наиболее правдоподобно объяснить «нелогичный» поступок Самозванца. Одним словом, связанная с образом Марины Мнишек интрига остается нераскрытой и сию пору.

Учитывая строгое следование Пушкина исторической правде, полезно вспомнить, что представляла собой эта персона. Ее триумф на престоле продлился целых девять дней. И еще девять лет она находилась на авансцене русской Смуты. Иноземка и католичка, она успела короноваться русской царицей, чего никогда прежде не случалось с русскими православными женщинами.

Она была женой двух мужей самозванцев – двух еретиков-обманщиков и третьего – казака-разбойника, и сама была обманщицей и циничной вероотступницей, чье отношение к религии (не только к Православию, но и католичеству) вполне укладывалось в знаменитую формулу Генриха IV Французского «Париж стоит мессы». Эта маленькая хрупкая женщина, девочка была дьявольски властолюбива и пускалась во все тяжкие, претерпевая лишения и невзгоды, ради обретения утраченной власти. Впрочем, девица с иным характером, пусть даже и готовая беспрекословно выполнять указания Ватикана как свое неизбывное послушание, «кадровую комиссию» иезуитов не прошла бы.

Подобно тому, как целое предшествует части, отдельный образ может быть адекватно осмыслен лишь в рамках всей системы образов и порождаемых ими смыслов. В связи с этим дерзнем утверждать, что общий смысл «Бориса Годунова» не мог быть растолкован Пушкиным своим читателям, не вызвав у них чувство активного неприятия и даже протеста. И виной тому был глубоко религиозный смысл и характер трагедии, появившейся на свет в условиях тотальной секуляризации сознания в высших слоях русского общества.

Как справедливо отмечает историк А.Н. Боханов, «при господстве секулярного, внецерковного сознания признать и понять не только правоту, но всего лишь историческую обусловленность метафизического миропонимания невозможно. Оно ведь совершенно иное, построенное на духовном, а не на материалистическо-рационалистическом основании, исповедует сверхрациональные ценности, для секулярного ума непостижимые» [1, с. 80].

Начнем, однако, с того, что в своем произведении Пушкин строго следовал историческим источникам, каковыми стали для него жития святых, летописи, хроники, в которых отражалось видение современниками русской Смуты реальных исторических персонажей, изображенных спустя два века Пушкиным.

Весьма символично то, что Марина и Самозванец – запечатлелась в народной памяти и документах XVII века в качестве дополняющих друг друга inferнальных героев. Марина Мнишек – в качестве колдуньи, ведьмы, «обвернувшейся из окошка сорокою» [3, с.1131], а Гришка Отрепьев – в качестве дьявола.

«Гришка розстрижка Отрепьев сын

Думает умом своим царским:

“Поделаю крыльица дьявольски”,

“Улечу нунь я дьяволом”», – сказывается в былине «Гришка розстрижка», записанной на Русском Севере А. Гильфердингом [3, с. 111].

Получалось и впрямь, что «муж и жена – одна сатана».

Поразительны были и события, которые современники не могли интерпретировать иначе как «знаки». По свидетельствам очевидцев, при въезде Самозванца в Москву «поднялся сильный вихрь, что и, хотя в остальном стояла хорошая, ясная погода, ветер так сильно погнал песок и пыль на народ, что невозможно было открыть глаза. Русские очень испугались, стали по их обычаю осенять лицо и грудь крестом, восклицая: “Боже, спаси нас от несчастья!”» [22, с. 50].

Эта история повторилась при въезде Марины Мнишек в ранге царской невесты в Москву, когда «между Никитскими воротами и воротами у Львиного моста приподнялся такой же ужасный вихрь, как и при въезде Димитрия, что многими было истолковано как *malum omen* (дурное предзнаменование)». [22, с. 58].

Пренебрежительно и уничижительно «Маришкой», «еретицей и врагоугодницу веры и ереси Римской» [20, с. 823], (т.е. угодницей врагу рода человеческого и супостатам-ляхам), будут называть

ее русские авторы XVII века, а русские официальные документы, включая дипломатическую переписку с Польшей, – «ворухой Маринкою» [18, с. 527], т.е. государственной преступницей и женой двух государственных преступников, ее же сына от Лжедмитрия II (или от атамана Заруцкого) – «воренком», «выбледком» [18, с. 598], т.е. незаконнорожденным.

Вопрос о смысле и значении образа Марины Мнишек логично рассматривать в плане ее взаимоотношений героини с Отрепьевым, который предстает в русских документах, включая акты высшей государственной власти в качестве прислужника дьявола, предтечи антихриста и даже самого антихриста [2, с. 365 – 366].

«Расстрига окаянный», «бесовский сын», «сосуд дьявольский», «еретик» – так характеризуется он в русской агиографической литературе, летописях и прочих источниках XVII века [8, с. 77, 90; 7, с. 605; 18, с. 569, 570, 576, 580; 2, с. 365 – 366]. Все эти характеристики оказываются абсолютно верными и точными с духовной, православной точки зрения.

Именно так он именуется прочими пушкинскими персонажами (Патриархом, Игуменом и т.д.). Отрепьев продает душу дьяволу, что явствует из его сна – троекратного послания из тонкого мира. Вдумаемся: сон Григория – это сон-предостережение от замысленного им уже рокового шага («Буду Царем на Москве!»), на который его толкает нечистый.

Самозванец в истории, равно как и у Пушкина – это расстрига, сиречь, клятвопреступник, нарушающий клятву служения Богу. Самозванец отрекается от своего ангела-хранителя и переходит под «юрисдикцию» сатаны. Одновременно он отрекается от своих родителей, нарушая тем Пятую заповедь, и одновременно от своих предков и пращуров, разрывая тем цепь поколений.

Самозванец кощунствует, присваивая себе имя святого царевича. Он – злостный еретик, покушающийся на небесный «правопорядок», ибо даровать истинного царя может лишь Бог. Поэтому Самозванцы, с православной точки зрения, суть не просто авантюристы или узурпаторы власти, а нечто более серьезное и страшное: дьявольское. Оттого-то Церковь и предавала их анафеме. Кстати, анафему Гришке Отрепьеву пели еще и при жизни Пушкина, которую тот мог не раз слышать в праздник Торжества православия (первое воскресенье Великого поста).

Вот кому стала женой Марина Юрьевна Мнишек!

Сам Пушкин скажет об исторической Марине Мнишек, что «у нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходивцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведет переговоры с польским королем как коронованная особа с равным себе и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование» [14, с. 295].

При неспешном – внимательном и вдумчивом – прочтении пушкинская трагедия становится художественным изображением русской Смуты, являющейся земным отражением незримой брани между силами света и тьмы в душе каждого отдельного человека, равно как и всего народа [7].

Зримым выражением ее становится земная история, в которой участники по видимости преследуют каждый свои посюсторонние цели, а в действительности исполняют роли, уготованные им их осознанным или неосознанным, но свободным выбором: служить Богу, строго блюдя заповеди, или дьяволу, сознательно нарушая их.

Мир «Бориса Годунова» – это мир, в котором сосуществуют и взаимодействуют духовный («тонкий») и земной миры, миры горний и дольний. Доказательством тому служат изображенные в трагедии чудеса – видение «мужа светла» блаженному царю Феодору Иоанновичу [13, с. 16 – 17], трепетанье тела мертвого Димитрия [4, л. 41], исцелении старца на могилке царевича [4, л. 31(оборот) — 32], нетленность мощей убиенного [10, с. 70].

Чудо же, как говорил Иоанн Златоуст, «есть дар божественной благодати, < > знак божественного дарования» [5, с. 62].

Ведь тут сообщается именно о воле Творца, поскольку совершаемые чудеса ни о чем ином поведать и не могут.

Как видим, изображая в своей трагедии чудеса, Пушкин не выдумывал решительно ничего, и сведения о них он черпал из житий святых, русских летописей и т.д. Такая документальность говорит о том, что изображаемый Пушкиным в трагедии мир и есть тот мир, в котором живут и автор, и читатель «Годунова», то есть мы с вами.

«Прекрасная Марина»

Образ Марины у Пушкина является существенным дополнением к образу Лжедмитрия, своеобразным зеркалом, в котором отражается его новое – самозванское – естество. Отрепьев продал душу дьяволу, и устав лицедействовать, пытается «нарушить контракт», но пути назад у него нет. Марина – сама «дщерь Тьмы» и предстает в трагедии в качестве части той силы – нежити и нечисти, – что разгулялась на Руси в Смутное время, персонажем, дополняющего образ Самозванца как символа воплощенной в человеческом обличье бесовщины. Марина становится представителем «куратора» Отрепьева из преисподней, отнимая у Григория даже призрачную возможности оставаться хоть на краткий миг человеком, а не одной лишь адовой маской.

Продав душу дьяволу, Гришка кардинально изменил свою человеко-скую сущность, превратившись в богословском смысле в чистую негатив-ность, в НИЧТО, став вечным лицедеем и лжецом – сыном отца лжи и погибели.

А что говорит о Самозванце Марина? Какими эпитетами награждает своего «суженого»? «Беглый монах, достойный позорной петли», «безумец», «безымянный бродяга», «дерзостный обманщик», «приимыш иезуитов».

Самое интересное во всем этом то, что сказанное является абсолютной правдой, «объективной истиной». Самозванцу нечем покланяться: у него нет ни имени, ни чести. Он – вор, т.е. государственный преступник (дерзостный обманщик) и потому «достоин позорной петли».

А теперь посмотрим, что говорит Пушкин устами своих героев о прекрасной Марине.

Кавалер на балу у воеводы Мнишка:

... мраморная нимфа:

Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Да это просто «мертвая царевна»!

Но этого мало. Пушкин добавляет еще одну реплику, усиливающую веющий дух тлена:

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом

Любовницей, ему принадлежащей, – говорит в исступлении Отрепьев.

«Любовница мертвеца». Разумеется, логически рассуждая, речь идет совсем о другом: о том, что Марина любит царевича в Димитрии, а не Димитрия в царевиче. Однако, согласитесь, слово произнесено: «любовница мертвеца». Но какая любовница может быть у мертвеца? Неужто исполненная жизни?

А эти слова Отрепьева говорят еще больше:

шипит, грозит и жалит.

Змея! змея! – Недаром я дрожал.

Она меня чуть-чуть не погубила.

Разве это похоже на любовь? Это страсть - чувство, как учат нас Свя-тые отцы, опасное и греховное. И произносит монолог о своей пылкой «любви» Самозванец, находясь в состоянии, которое можно было бы назвать исступлением. Тоже известное и характерное для одержимого состояние. И ничего иного в разговоре с «мертвой царевной/царицей» быть не может.

Крайне важна здесь и знаменитая реплика Отрепьева «Тень Грозного меня усыновила». Вдумаемся в нее.

«Тень Грозного меня усыновила»

Инфернальность фигуры самозванца подчеркивается Пушкиным не только указанием на то, что он еретик. Автор использует и иные лексические средства. Многое раскрывается в сцене у фонтана, когда Самозванец гордо, как свидетельствует авторская ремарка, говорит Марине:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла –
Царевич я.

Да. Именно что «вокруг» Самозванца. Да. «Обрекла Бориса в жертву». Отрепьев говорит о падении царя как о свершившемся факте. Разумеется, тираду Самозванца можно рассматривать в качестве бахвальства – результат уязвленного Мариной самолюбия. Однако все последующие события лишь подтверждают его уверенность в себе и исходе дела. Логично предположить, что Самозванец получил некие «гарантии» от своего «куратора» из преисподней. Но можно и так: авторский гений говорит порою больше, чем это входит в его намерения.

Итак, «усыновило» Самозванца привидение царя Иоанна, призрак Грозного царя, а не душа его, не дух его и т.д. Но что такое привидение? Это странствующая без пристанища, не упокоенная, не отпетая душа. Но Иван Грозный был отпет, как ему по чину и полагалось: по царскому чину. Так что привидений никаких не должно было и не могло быть. Возможно, это метафора, которую использует Самозванец. Ну да, ему «знаком латинской музы голос», не правда ли? Но ведь слово в Божьем мире живет своей жизнью и будучи произнесено, создает новую реальность. А если тень Грозного – это бесовское искушение – и впрямь являлась ему? Как бы то ни было, а указание на нечистый характер «усыновления» инока Григория в пушкинском тексте присутствует, причем явственно. Напомним, что объяснение Отрепьева и Марины происходит ночью, когда оживает нечисть.

Жена мертвеца

Марина готова вступить в брачный союз с человеком, усыновленным привидением, тенью. Разумеется, если полагать, что мира невидимого не существует, то это само по себе мало что значит. Но ведь пространство и время «Бориса Годунова», равно как и его читателей мистично, и потому каждое слово, каждый поступок имеет иной и самый главный, скрытый от глаз план.

Брачный союз мистичен и многозначен. Недаром же русские цари венчались на царство, ибо таинство венчания и таинство венчания на царство подобны. И аналогом сему не могут быть никоим образом ни штамп в паспорте, ни клятва на конституции, ибо последние изначально не рассматриваются в качестве сакральных актов. Они всего лишь формально-юридические процедуры в мире, где по выражению известного героя М.А. Булгакова, «сам человек и правит», являя свою «самость», т.е. своеволие на языке православных богословов.

Надо ли говорить, на какой тяжкий грех готовы пойти и Отрепьев, присвоивший себе имя святого, и Марина Мнишковна, венчаясь с Самозванцем и одновременно венчаясь на царство! И над ней витал дух убиенного и прославленного на небесах царевича.

Пушкин, прекрасно знавший об ужасном конце Марины Мнишек предлагает читателю держать в уме то, что не вошло в пьесу, но известно, как непреложный исторический факт. Вот что говорится в Наказе русскому дипломату Ф.Сомову от 1615 года: «Ивашко (Заруцкий – третий муж Марины Мнишковны – Б.К.) за свои злые дела и Маринкин сын кажнен, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своем выbledке умерла; а государю было и бояром для обличенья ваших неправд надобна она жива» [18, с. 597 – 598].

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

Так Пушкин расширяет хронотоп «Бориса Годунова», как бы приглашая читателя не только к сопереживанию действия, но и домысливанию сказанного.

Подытоживая сказанное, мы вправе утверждать, что в лице Самозванца и Марины Мнишек мы имеем дело с людьми, одержимыми похотью власти готовыми ради ее достижения пойти на чудовищный, смертный грех. Это какой-то союз ходячих мертвецов. Так, пользуясь лексическими средствами, Пушкин выражает инфермальную сущность двух своих героев.

При таком взгляде на образ Марины становится понятно, отчего Пушкин исключил сцену в уборной, в которой упоминается «алмазный мой венец», как противоречащую образу холодной мертвой властолюбивы. В ней образ Марины дышит живой жизнью.

Литература

1. Боханов А.Н. Борис Годунов. М.: Вече, 2012.
2. Временникъ дьяка Ивана Тимофеева // РИБ. Т. 13. СПб., 1891
3. Гильфердингъ А.Ф. Онежскія былины записанныя Александром Федоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Типографія Императорской Академіи наукъ, 1873.
4. Димитрій Ростовскій св. Житіе царевича Димитрія Угличского // «Четы Миней» Т. 4, Июнь – Август. СПб.: Аксион эстин, 2009 Репринт изд. Киево-Печерской Лавры, 1764.
5. Иоанн Златоуст св. Бесѣда въ собраніи, бывшемъ чрезъ нѣсколько времени въ древней церкви, на надписаніе Дѣяній Апостольскихъ, и о томъ, что добродѣтельная жизнь полезнѣе знаменій и чудесъ, и чѣмъ отличается дѣятельность отъ знаменій. // Полное собраніе твореній святаго отца нашего Иоанна Златоуста Архіепископа Константинопольскаго, въ русскомъ переводѣ. Томъ третій въ двухъ книгахъ. Книга первая. С.-Петербургъ: Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи, 1897.
6. Книга глаголемая Новой лѣтописецъ. // РИБ Т.14. СПб., 1910
7. Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Язык и текст. 2018 Т. 5, № 2. С. – 91 – 103.
8. Латухинская Степенная книга. 1676 год. Ред. Покровский Н.Н. М.: Издательство: Языки славянских культур, 2012.
9. Лѣтопись о многихъ мятежахъ и разореніи Московскаго государства отъ внѣшнихъ непріятелей и отъ тогдашнихъ временъ многихъ случаевъ, по преставленіи Царя Иоанна Васильевича, а также о Междугосударствованіи по кончинѣ Царя Феодора Иоанновича, по учиненномъ исправленіи книгъ в царствованіе благовѣрнаго Государя Царя Алексѣя Михайловича въ 7163/1655 году. Изданіе 2-е Москва, 1788.
10. Новый лѣтописецъ. // Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою Археографическою Комиссіею. Томъ 14. Первая половина. I Подъ ред. С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко — СПб: Типографія М.А. Александрова, 1910
11. Плачь о плененіи и о конечномъ разореніи Превысокаго и Пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства, въ пользу и наказаніе послушающимъ. // РИБ. Т. 13. СПб., 1891.
12. Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку Императорской публичной бібліотеки Q. 4. № 154 // (РИБ). Т. 13. СПб., 1891
13. Повѣсть о честнѣмъ житіи Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Русіи. II. // РИБ. Т. 14. Первая половина. СПб, 1910.

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

14. Пушкин А.С. Письмо о «Борисе Годунове». // Собр. соч. в 10 томах. Т. 6 Критика и публицистика. М.: ГИХЛ, 1962.
15. Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому. Около 13 сентября 1825. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
16. Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому от 2 января 1831 //
17. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
18. Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. (РИО) Томъ сто сорокъ второй. М.: Типографія Г. Лиснера и Д. Собко, 1913.
19. Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 13. СПб., 1891
20. Сказаніе о Царствѣ Царя Феодора Иоанновича // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою Коммиссіею. Памятники древней русской письменности, относящіеся къ Смутному времени. Томъ тринадцатый. СПб.: 1891
21. Соборный приговоръ противъ чернца Отрепьева... ложно называющагося Царевичемъ Димитріемъ (1604 г.) // Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Часть вторая, служащая дополненіемъ къ первой. М.: Тип. Селивановскаго, 1819.
22. Хроники Смутного времени. // Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – 608с. – (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX).

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

«A Dead man's wife» (The role and significance of Marina Mnishek's character (image) in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin)

Kurkin B.A.,

*Doctor of Law, Professor of International Law, Law Institute TSTU,
expert of the German Academic Exchange Service (DAAD).
Tambov*

The article is dedicated to analysing of the Marina Mnishek's image in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin. It is describing historical assessments of Marina Mnishek's character in folktales and epic poems, Russian Chronicles and official records of the 17th century and the way they are transformed into Marina Mnishek's artistic image by Pushkin.

The author regards her image as a necessary complement to the character of The Impostor and considers their images as an incarnation of the Evil Spirit depicted by the tragedy through lexical means and logic of its unravelling plot.

Keywords: Marina Mnishek, historical assessments, folktales and epic poems, Evil Spirit.

References

1. Bohanov A.N. Boris Godunov. M.: Veche, 2012.
2. Vremennik" d'yaka Ivana Timofeeva // RIB. T. 13. SPb., 1891
3. Gil'ferding" A.F. Onezhskiya byliny zapisannyya Aleksandrom Fedo-rovichem" Gil'ferdingom" lbtom" 1871 goda. SANKTPETERBURG". Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk", 1873.
4. Dimitrij Rostovskij sv. ZHitie carevicha Dimitriya Uglichskogo // «CHet'i Minei» T. 4, Iyun' – Avgust. SPb.: Aksion ehstin, 2009 Reprint izd. Kievo-Pecherskoj Lavry, 1764.
5. Ioann Zlatoust sv. Bes'eda v" sobranii, byvshem" chrez" n'bskol'ko vremeni v" drevnej cerkvi, na nadpisanie D'byanij Apostol'skih", i o tom", chto dobrod'itel'naya zhizn' polezn'be znamenij i chudes", i ch'bm" otlichaetsya d'byatel'nost' ot" znamenij. //Polnoe sobranie tvorenij svyatago otca nashего Ioanna Zlatousta Arhiepiskopa Konstantinopol'skago, v" russkom" perevod'be. Tom" tretij v" dvuh knigah. Kniga pervaya. S.-Peterburg": Izdanie S.-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii, 1897.
6. Kniga glagolemaya Novoj lbtopisec". // RIB T.14. SPb., 1910
7. Kurkin B.A., Murashkina O.V. Tema naroda v tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov». YAzyk i tekst. 2018 T. 5, № 2. S. – 91 – 103.
8. Latuhinskaya Stepennaya kniga. 1676 god. Red. Pokrovskij N.N. M.: Iz-datel'stvo: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2012.
9. L'btopis' o mnogih myatezhah i razorenii Moskovskogo gosudarstva ot" vn'bsnhnih" nepriyatelej i ot" togdashnih" vremen" mnogih" sluchaev", po prestavlenii Carya Ioanna Vasil'evicha, a takzhe o Mezhdugosudarstvo-vanii po konchin'be Carya Feodora Ioannovicha, po uchinennom" isprav-lenii

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

- knig" v carstvovanie blagovѣrnago Gosudarya Carya Aleksѣya Mihajlovicha v" 7163/1655 godu. Izdanie 2-e Moskva, 1788.
10. Novyj lѣtopisec". // Polnoe sobranie russkih" lѣtopisej, izdannoe po Vysochajshemu povelѣniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. Tom" 14. Pervaya polovina. I Pod" red. S. F. Platonova i P. G. Vasenko — SPb: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910
 11. Plach" o plenenii i o konechnom razorenii Prevysokago i Presvѣtlѣjshago Moskovskago gosudarstva, v" polzu i nakazanie poslushayushchim". // RIB. T. 13. SPb., 1891.
 12. Povѣst' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po spisku Imperatorskoj publichnoj biblioteki Q. 4. № 154 // (RIB). T. 13. SPb., 1891
 13. Povѣst' o chestnѣm" zhitii Carya i Velikago Knyazya Feodora Ivanovicha vseya Russii. II. // RIB. T. 14. Pervaya polovina. SPb, 1910.
 14. Pushkin A.S. Pis'mo o «Borise Godunove». // Sobr. soch. v 10 tomah. T. 6 Kritika i publicistika. M.: GИL, 1962.
 15. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu. Okolo 13 sentyabrya 1825. // Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 9, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.
 16. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu ot 2 yanvarya 1831 //
 17. Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 10, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.
 18. Sbornik" Imperatorskago Russkago istoricheskago obshchestva. (RIO) Tom" sto sorok" vtoroj. M.: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1913.
 19. Skazanie o Grishkѣ Otrep'evѣ // Russkaya istoricheskaya biblioteka (RIB). T. 13. SPb., 1891
 20. Skazanie o Carstvѣ Carya Feodora Ioannovicha // Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k" Smutnomu vremeni. Tom" trinadcatyj. SPb.: 1891
 21. Sobornyj prigovor" protiv" chernca Otrep'eva... lozhno nazyvayushchagosya Carevichem" Dimitriem" (1604 g.) // Sobranie gosudarstvennyh" gramot" i dogovorov", hranyashchihsya v" gosudarstvennoj kollegii inostrannyh" dѣl". CHast' vtoraya, sluzhashchaya dopolnieniem" k" pervoj. M.: Tip. Selivanovskogo, 1819.
 22. Hroniki Smutnogo vremeni. // Konrad Bussov. Arsenij Elassonskij. EHlias Gerkman. «Novyj letopisec». M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. – 608s. – (Istoriya Rossii i Doma Romanovyh v memuarah sovremennikov XVII-XX).